ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XVII – XIX ВВ.

Новиков Д.В.

кандидат политических наук, доцент кафедры «Философия и социология», Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Россия), 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, kayzersal@mail.ru

Саламин Е.Е.

старший преподаватель кафедры «Физическая культура и спорт», Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Россия), 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, kayzersal@mail.ru

Ручкин А.В.

кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры управления персоналом, начальник научного отдела Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, к. 25, alexey.ruchkin@uapa.ru

УДК 328.1
ББК 66.1(о)5

Цель. Анализ политических теорий исследователей XVII – XIX вв. в выборных системах государств, рассмотрение позитивных и негативных черт различных форм представительства.

Методы. Используя метод сравнительно-исторического и кросс-национального анализа взглядов исследователей на выборные системы формирования представительного органа власти в государстве, авторы прослеживают изменение ценностей демократии в трудах исследователей, а также требования к условиям формирования и функционирования парламентов в целях повышения их эффективности.

Результаты. По результатам анализа авторы приходят к выводу о невозможности реализации прямой формы демократии. При этом сформирована тенденция о понимании концепции народного представительства через парламент в период с XVII по XIX вв.

Научная новизна. Осуществлен сравнительный анализ теорий и трансформации подходов к пониманию парламентского представительства, а выявлены основные тенденции к интерпретации интересов объекта представительства.

Ключевые слова: парламентское представительство, политические теории, демократия.

Novikov D.V., Salamin E.E.,Ruchkin A.V.

PARLIAMENTARY REPRESENTATION IN THE POLITICAL THEORY OF THE XVII-XIX CENTURIES

Purpose. Analysis of political theories researchers XVII - XIX centuries in electoral systems of the states, consideration of the positive and negative features of different forms of representation.

Methods. Using the method of comparative historical and cross-national analysis of the of the views of researchers on the elective system of a representative agency of the State power formation, the authors track the change in the values of democracy in the work of researchers, as well as requirements for the formation and functioning of parliaments in order to improve their effectiveness.

Results. According to the analysis, the authors concluded the impossibility of implementing direct form of democracy. At the same time a trend of understanding of the national representation concept through parliament in the period from XVII to XIX centuries was formed.

Scientific novelty. The comparative analysis of theories and approaches to understanding the transformation of parliamentary representation, the main trends of interest to the interpretation of the object representation were identified.

Key words: parliamentary representation, political theory, democracy.

© Новиков Д.В., Саламин Е.Е., Ручкин А.В., 2014

Современная демократия является демократией представительной, фундаментальной основой которой является принцип политического представительства. Он выступает в качестве механизма, приводящего в движение всю систему современного демократического режима. Согласно ему, участие в процессе непосредственной выработки и утверждения основополагающих властных решений принимают не сами граждане непосредственно, а избранные ими представители.

Становление системы представительной демократии происходило в XVII–XIX вв. Одновременно со становлением политической практики народного представительства возникла необходимость в последовательной концептуализации данного принципа.

Одним из первых среди политических философов Нового Времени к идее представительства обратился английский философ Томас Гоббс [1]. Являясь убеждённым сторонником абсолютизма, Т. Гоббс, тем не менее, рассматривал монарха в качестве народного представителя, призванного выражать интересы всего общества в целом. Сам же факт представительства становится следствием общественного договора, заключенного людьми в целях устранения деструктивных обстоятельств, вызванных в условиях «естественного состояния» продолжающейся «войной всех против всех». В результате заключения договора индивиды делают монарха своим представителем, наделяя его правом властвовать и «представлять лицо всех независимо от того, голосовал ли он за них или против них» [1, с. 144].

Таким образом, абсолютная власть монарха выступает как результат представительства, которое, в свою очередь, являет собой важнейший политический принцип существования и осуществления королевской власти. Функционально монарх выступает как представитель всей нации в целом, а не какой-либо отдельной социальной группы.

Что же касается парламента, то, в отличие от правителя, он является той структурой управления, которая призвана представлять интересы более частного характера. Созываемый монархом по строго ограниченному кругу вопросов и на строго регламентированный срок, парламент призван сообщить монарху «о положении и нуждах подданных» [1, с. 182], а также «совещаться с ним (монархом – авт.) как с лицом, представляющим всю страну, об издании законов или о каких-нибудь других делах» [1, с. 182]. В результате этого депутаты обретают двойной социальный статус, сочетающий разные публично-правовые функции. С одной стороны, как политические факторы они призваны представлять интересы всего общества в целом, с другой, как представители конкретной социальной группы, отдавшей им свой голос, депутаты вынуждены отстаивать ее частные интересы.

Более того, одновременно с этим депутаты нередко представляли и свои собственные интересы. Причем зачастую отстаивали их с гораздо большим рвением, нежели общественные интересы, что отражает институциональную дисфункцию социального статуса данной категории представителей. Характеризуя данную ситуацию, Т. Гоббс писал: «Если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, он (депутат - авт.) в большинстве случаев отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти людей обычно бывают сильнее их разума» [1, с. 146].

Джон Локк [2], один из основателей либерализма, также рассматривал монарха в качестве народного представителя. Являясь «представителем государства, движимым волею общества, объявленной в его законах…, он (монарх – авт.) не имеет ни воли, ни власти, кроме тех, которыми обладает закон» [2, с. 350].

В том же случае, если интересы частного характера начинают заслонять в деятельности представителя волю общества, то тогда «он роняет себя и является лишь частным лицом без власти и без воли, которое не имеет права на повиновение…» [2, с. 351].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на одинаковый подход к определению представительской функции монарха, у Т. Гоббса принцип представительства понимается в значении права от имени общества участвовать в принятии политических решений, а у Д. Локка представительство, скорее, есть обязанность выражать, отстаивать и претворять в жизнь интересы и волю граждан.

Концептуальный вклад в теорию парламентского представительства внёс Ш. Монтескье [3]. В своей работе «О духе законов» французский философ обусловливает принцип представительства, прежде всего, географическим фактором. Так, «ввиду того, что в свободном государстве всякий человек, который считается свободным, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать там всему народу. Но так как в крупных городах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, чего он не может делать сам» [3, с.292–293]. В результате представительство становится естественным следствием обширности политического пространства, занимаемого государством.

Наряду с географическим обоснованием представительства Ш. Монтескье отмечает и другое обстоятельство, связанное с гораздо большей эффективностью представительства по сравнению с прямой демократией. Непосредственное участие народа в управлении, по его мнению, обладает серьёзными недостатками. Поскольку реальной способностью понимать смысл принимаемых решений обладают далеко не все индивиды, Ш. Монтескье отмечал, что «большинство древних республик имело один крупный недостаток, народ имел здесь право принимать активное

решение, связанное с исполнительной деятельностью, к чему он неспособен» [3, с. 293]. В силу данного обстоятельства, участие граждан в управлении государством должно быть ограничено выбором собственных представителей.

Что же касается функциональной стороны практики политического представительства, то ее Ш. Монтескье понимал несколько иначе, нежели Т. Гоббс и Д. Локк. Если для последних депутат призван, прежде всего, отстаивать интересы общества в целом, то для Ш. Монтескье представительство есть выражение воли конкретной социальной группы, наделившей своего избранника властными полномочиями. «Поэтому, – считает философ, – членов законодательного собрания не следует избирать из всего населения страны в целом; жители каждого крупного населенного пункта должны избирать себе в нем представителя» [3, с. 293]. Таким образом, народный избранник выступает в концепции Ш. Монтескье как обличенное властью лицо, представляющее интересы собственных избирателей.

Проводя ретроспективный анализ становления теории политического представительства, крайне важным является обращение к политико-философскому творчеству Ж.- Ж. Руссо [4].

В отличие от своих предшественников, Ж.-Ж. Руссо выступал с резкой критикой практики представительства. Представительство является, по мнению философа, сравнительно новым фактом политической жизни. «Оно досталось нам от феодального правления…, при котором род человеческий пришел в упадок, а звание человека было опозорено. В древних республиках и даже монархиях народ никогда не имел представителей, само это слово было неизвестно» [4].

Практика представительства, столь широко распространившаяся в Европе в Новое Время, считает Ж.-Ж. Руссо, порождена леностью человеческой натуры. Не желая тратить время на активное участие в выработке политических решений, гражданин предпочитает ограничиться избранием депутатов. В результате, констатирует философ, свобода прямой демократии сменяется рабством представительства. Так, английский народ, считающий себя свободным благодаря существованию представительного института, на самом деле жестоко ошибается, поскольку «он свободен во время выборов членов парламента, как только они избраны – он раб, он ничто» [4].

Помимо практической нецелесообразности, представительство, по мнению Ж.-Ж. Руссо, является абсолютно несостоятельным с позиции политической теории. Поскольку суверенитет есть порождение общей воли, а она, в свою очередь, не может представляться, то, таким образом, сам по себе народный избранник (депутат), призванный представлять общую волю, на самом деле является лишь выразителем частной воли и частного интереса. В результате этого сама теоретическая идея народного представительства не выдерживает критики. Такова точка зрения Ж.-Ж. Руссо, касающаяся практики парламентского представительства.

Вместе с этим стоит отметить, что в дальнейшем отношение философа к проблеме представительства стало более терпимым. Так, в главе VII проекта реформ образа правления в Польше (1772 г.) Ж.-Ж. Руссо всё же стал допускать, что «законодательная власть не может проявляться сама по себе и не может действовать иначе, как через депутатов» [4]. В силу этого, считал он, необходимо не отвергать принцип представительства, а трансформировать его, наделив депутатов императивным мандатом, и тем самым поставить их в жесткую зависимость от своих избирателей.

Достаточно интересную трактовку принципа представительства дал Георг Вильгельм Фридрих Гегель [5]. По мнению ученого, сословное представительство выступает в качестве связующего элемента между государством как сосредоточением всеобщей воли и интереса и гражданским обществом, в основе которого лежит частный интерес. В результате данной связи «государство (всеобщее – авт.) проникает в субъективное сознание народа» [5, с. 626], а интересы индивида как части «обретают значимость в собрании, где речь идет о всеобщем» [5, с. 634]. В итоге депутат предстает в двояком статусе. Как часть представляемого им гражданского общества он является лицом частным, а поскольку принимает участие в делах государства, то тем самым депутат становится выразителем всеобщей воли. При этом момент всеобщности, по мнению Г.В.Ф. Гегеля, занимает доминирующее положение в политической практике народного избранника. В своей политической деятельности депутаты защищают «не особенный интерес какой-либо общины, корпорации в противовес всеобщему, но утверждают значимость всеобщего» [5, с. 633].

С другой стороны, даже как выразители интересов граждан, депутаты выступают «представителями не единичных лиц, не массы, а представителями одной из существенных сфер общества, представителями его (общества – авт.) крупных интересов» [5, с. 635]. Так как момент всеобщности имеет для депутата гораздо большее значение, нежели частные интересы избравшей его своим представителем социальной группы, то в силу этого вопрос об императивной зависимости в духе Ж.-Ж. Руссо теряет свою актуальность.

Однако признание значимости «всеобщего» в деятельности депутата не означает невнимания к воле и мнению избирателей. Подчиняя частные интересы гражданского общества интересам государства, представитель призван снимать само противоречие, возникающее между ними. В итоге само подчинение теряет

императивный характер и становится компромиссом. Таким образом, частный интерес конкретного избирателя обретает значимость во всеобщем интересе, сливаясь с ним воедино.

Подводя итог анализа института представительства, Г.В.Ф. Гегель отмечает, что он дает гражданскому обществу реальную возможность через своих избранников стать сопричастным к процессу выработки политических решений, тем самым стать более свободным.

Особую актуальность проблема политического представительства приобрела в творчестве «отцов» американской демократии. Особенно здесь необходимо выделить Джеймса Мэдисона и Александра Гамильтона [6].

В газетных статьях, составивших знаменитый сборник «Федералист», данные авторы (в первую очередь, Джеймс Мэдисон) подвергли тщательному анализу практику политического представительства. Пытаясь отыскать наиболее приемлемую для молодого американского государства форму правления, которая бы могла обеспечить оптимальное соотношение между эффективностью управления, с одной стороны, и незыблемостью народовластия с другой, Джеймс Мэдисон останавливает свой выбор на республике, которая, в свою очередь, понимается им как «правительство, составленное согласно представительной системе» [6]. Таким образом, республика у Дж. Мэдисона выступает как аналог представительной демократии, и в данном смысле республика является противоположностью чистой (прямой) демократии, существовавшей в древнегреческих полисах.

Как важнейший политический принцип представительство, считает Дж. Мэдисон, возникло еще в древности. Более того, элементы представительства существовали уже в рамках самой прямой демократии. Так, «в чистых демократиях Греции многие обязанности исполнительской власти справлялись вовсе не народом, а должностными лицами, им избираемыми и представлявшими народ в этой функции» [6]. Однако внутри древнегреческой системы прямое представительство являлось лишь незначительным элементом, не оказавшим заметного влияния на всю систему в целом.

В американской политической истории, наоборот, представительство стало системообразующим, структурирующим всю систему политической власти фактором. Именно здесь принцип политического представительства, считает Дж. Мэдисон, получил максимальную актуализацию. В результате этого американский народ полностью исключился из участия в управлении государством, доверив эту функцию общенародному собранию (Конгрессу), состоящему из его (народа) представителей.

Оценивая парламентское представительство, Дж. Мэдисон указывает на его преимущества по сравнению с другими формами правления. Проходя через «горнило» жесткого отбора, народные представители обеспечивают гораздо более высокий уровень управления по сравнению с тем, который может быть достигнут в условиях прямой демократии, где участие в управлении принимают все граждане. Другим важным преимуществом представительной системы, по мнению Дж. Мэдисона, является достаточно стойкий иммунитет против эскалации социальных разногласий в полномасштабный социальный конфликт. Это связано с тем, что парламентское представительство, приводя к расширению политического пространства, объективно создает условия для мирного сосуществования разнородных социальных интересов. В этом контексте представительство выступает аттрактором управления в обществе, что повышает приближенность функционирования политической системы к идеальному состоянию.

Анализируя политическое влияние, оказываемое функционированием парламентского представительства, Дж. Мэдисон и А. Гамильтон выступают с критикой широко распространенного мнения, согласно которому народный избранник сразу же после прохождения в законодательный орган перестанет выражать волю своих избирателей. Данное суждение, считают они, является необоснованным.

Далее необходимо проанализировать отношение к представительной системе Алексиса Токвиля. Выступая 15 января 1848 года в Академии правовых и политических наук с докладом, посвященным анализу демократии в Швейцарии, Алексис Токвиль отмечал существование двух её форм – прямой и представительной. Прямая, «чистая демократия – это явление уникальное и исключительное» [7, с. 514], которое в настоящее время «уступает место противоположной, то есть представительной форме» [7, с. 514]. Именно последняя в полной мере, по мнению учёного, соответствует новому политическому мышлению. Своё максимальное завершение представительная демократия получает в США.

Еще в 1833 году А. Токвиль совершил поездку в эту страну. Итогом стало написание книги «Демократия в Америке», в которой автор с нескрываемой симпатией проанализировал специфику американской системы парламентского представительства.

Противопоставляя парламентское представительство аристократическому правлению, А. Токвиль отчасти в «духе» Г.В.Ф. Гегеля рассматривает народного избранника (депутата) в качестве социального субъекта, статус которого предполагает выполнение двух различных социальных ролей. Депутат, с одной стороны, являясь законодателем, призван отстаивать общенациональный интерес, с другой, выступая в роли народного представителя, обязан выражать волю

и интересы наделившей его властными полномочиями социальной общности. В итоге политическая деятельность депутата направлена на служение как интересам страны в целом, так и интересам своих непосредственных избирателей в частности.

Анализируя проблему соотношения интересов представителя с интересами делегировавшей его социальной общности, А. Токвиль указывает на их неразрывную связь. Депутат должен «завоевывать доверие избирателей постоянно» [7, с. 368]. Если же ему отказывается в этом доверии, «он тотчас же оказывается без всякой поддержки, ибо его общественное положение слишком скромно для того, чтобы его могли хорошо знать люди, не входящие в узкий круг его родных и близких… он не может рассчитывать на то, чтобы его друзьям или правительству без особых хлопот удается навязать его кандидатуру избирателям… округа, где его совсем не знают» [7, с. 368]. Поэтому, заключает А. Токвиль, депутат неразрывно связан общностью интересов со своими избирателями. «Все завязи его судьбы формируются в том округе, который он представляет; именно на этом клочке земли он должен взойти, чтобы подняться до высот, позволяющих ему управлять целым народом и оказывать влияние на судьбу мира» [7, с. 368].

Значимый вклад в развитие теории парламентского представительства внёс Джон Стюарт Милль. В 1861 году учёный написал работу «Представительное правление» [8], в которой подверг серьёзному и обстоятельному анализу практику парламентского представительства. Причём в своём произведении учёный решал не только задачу теоретического изучения основ представительной демократии, но и также предлагал ряд вполне конкретных мер, направленных на оптимизацию и совершенствование механизма народного представительства.

Парламентское представительство Джон Стюарт Милль понимает в качестве формы правления, в которой «весь народ или значительная его часть пользуется через посредство периодически избираемых ими депутатов высшей контролирующей властью» [8]. По мнению учёного, представительная система является наилучшей формой правления среди всех прочих. Во-первых, в условиях представительства происходит вовлечение наиболее талантливых и образованных индивидов в процесс управления государством, что в итоге способствует качественному росту уровня политико-управленческих решений. Во-вторых, широкое участие граждан в политике является серьёзной школой, позволяющей повысить общий уровень политической культуры общества. Наконец, в-третьих, свободное самостоятельное участие граждан в управлении является главным инструментом реализации их интересов.

Важнейшей чертой представительной системы является выборность. Благодаря выборам, оказывается фактически возможным участие всех многочисленных граждан в управлении собственным государством. Вместе с этим выборы, считает исследователь, заключают в себе определённую долю опасности. В её основе лежит абсолютизация интересов большинства избирателей и фактическое игнорирование воли меньшинства. В результате происходит смешение понятий. «Когда мы говорим о демократии в чистом ее виде, – отмечает Джон Стюарт Милль, – мы имеем в виду, что народ сам управляет собою на основании принципа полной равноправности. Демократия, как она обыкновенно понимается и до сих пор действует, представляет собою правление значительным большинством народа с исключительными правами» [8].

Таким образом, мажоритарная избирательная система выхолащивает подлинный смысл демократии как «власти всего народа» и ограниченно определяет её лишь в качестве «власти большинства».

Парламент, как учреждение народного представительства, понимается Джоном Стюартом Миллем в качестве органа, в котором разнородные (и не всегда справедливые) интересы граждан через свободно избранных депутатов обретают статус законодательных, обязательных для исполнения решений. В связи с этим парламентская деятельность функционально предстаёт в качестве процесса борьбы и согласования различных социальных интересов. При этом учёный оговаривает, что грамотно устроенная представительная система «не должна допускать, чтобы какой-нибудь из частных интересов одерживал верх над истиной и справедливостью и над соединенными остальными частными интересами» [8].

Таким образом, по мнению Джона Стюарта Милля, парламентское представительство должно являться инструментом актуализации множества частных интересов в чётко очерченных справедливостью и истиной границах всеобщего интереса.

Во второй половине XIX века парламентское представительство как реально существующая политическая практика стало объектом критики со стороны, главным образом, представителей социалистической мысли.

Так, в рамках марксизма парламентское представительство рассматривалось в качестве важнейшего элемента политической системы буржуазного этапа общественного развития. Весьма скептически оценивая практику представительства, воплощенную в западноевропейском парламентаризме XIX века, Карл Маркс и Фридрих Энгельс рассматривают её в качестве важнейшего института политической системы капиталистического общества. Целью его является обеспечение незыблемости власти буржуазии. В результате народное по форме представительство становится исключительно буржуазным по духу. Ра-

бочий же класс, в свою очередь, получив формальное право участия в выборе представителей, в силу отсутствия понимания собственных интересов фактически выпадает из системы представительной буржуазной демократии.

Принцип представительства способен обрести позитивное содержание и истинно народный характер только в результате последовательного уничтожения всей системы буржуазного парламентского государства. Первым таким опытом, по мнению К. Маркса, являлся опыт Парижской Коммуны [9]. Возникшая в ходе классовой борьбы во Франции, Коммуна как орган управления революционного народа явилась полным антиподом буржуазной представительной демократии. С момента своего появления 18 марта 1871 года, отмечал К. Маркс, «коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы» [9, с. 477]. В отличие от парламента, функционирующего исключительно в интересах буржуазии, Коммуна стала «представительницей всех здоровых элементов буржуазного французского общества» [9,с. 484].

Таким образом, видно, что в деятельности Парижской Коммуны, по мысли К. Маркса, принцип политического представительства приобрёл совершенно иной смысл, нежели тот, который он имел в рамках буржуазного парламентаризма.

В итоге, можно заключить, что, рассматривая парламентаризм XIX века, К. Маркс вместе с Ф. Энгельсом подвергают критике вовсе не саму практику представительства, а исключительно ее «буржуазное» содержание.

В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, сторонники идей анархизма критиковали не только буржуазную форму представительства, но и сами принципы представительной демократии в целом.

Так, один из основателей анархизма П.А. Кропоткин, анализируя политические последствия функционирования системы буржуазного представительства, указывает на их крайне негативное содержание [10].

Несмотря на все декларации, представительная система, по мысли П.А. Кропоткина, объективно ведет к централизации государственной власти, а следовательно, и к значительному увеличению численности бюрократического аппарата. Появившись в ответ на стремление общества избавиться от единоличного произвола власти, парламентское представительство, наоборот, ведет к укреплению государства и усилению его властного воздействия на граждан.

Другим важным недостатком представительной демократии являются частные выборы. Во время выборов общество, считает П.А. Кропоткин, становится объектом разного рода манипулятивных воздействий, популизма и лести со стороны кандидатов. В итоге, израсходовав на проведение избирательной кампании огромные средства, граждане получают в качестве своих представителей в парламенте «некомпетентных всезнаек», с равным успехом разбирающихся в различных вещах.

Таково воздействие, оказываемое практикой парламентского представительства на общественную жизнь. Поэтому, согласно П.А. Кропоткину, единственным выходом из создавшейся ситуации является последовательное разрушение современного буржуазного государства и замена практики представительства прямой демократией, основанной на включении всех граждан в процесс непосредственного принятия властных решений.

Подвергает жесткой критике практику политического представительства и другой идеолог анархизма М.А. Бакунин [11]. При этом, в отличие от П.А. Кропоткина, критикующего, главным образом, воздействие практики представительства на общество, Михаил Бакунин указывает на теоретическую несостоятельность самого парламентского представительства как такового.

Полемизируя с К. Марксом и отмечая опасные последствия установления режима пролетарской диктатуры, М.А. Бакунин указывает на негативную возможность перерождения бывших рабочих, приобретших политическую власть. Как только вчерашние пролетарии «сделаются правителями или представителями народа» [11, с. 87], они «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной» [11, с. 87], следовательно, «будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом» [11, с. 87].

Исходя из всего вышеобозначенного, можно выделить основные компоненты концепции представительства, разработанной авторами XVII – XIX вв..

1. Практически все авторы, разрабатывавшие теорию парламентского представительства, за исключением анархистов, считали прямую демократию, основанную на непосредственном участии граждан в осуществлении государственной власти, недостижимой.

2. В силу этого единственной, реально возможной формой демократии признавалась демократия представительная. Её основой является опосредованное участие граждан в принятии политических решений.

3. Ключевым учреждением народного представительства выступает общенациональный парламент. В качестве представительного органа парламент призван соединить теоретический принцип суверенитета народа с практикой реального народовластия.

4. Функционально парламентское представительство выступает в качестве элемента, обеспечиваю-

щего связь гражданского общества с государством. В силу этого депутат парламента является одновременно и государственным деятелем, участвующим в законодательном процессе, и представителем гражданского общества, призванным выражать и отстаивать его волю и интересы.

5. В теории представительной демократии есть две альтернативные позиции, связанные с пониманием объекта представительства. Согласно первой, восходящей к работам Ш. Монтескье, депутат есть по существу выразитель интересов собственных избирателей. В силу этого парламентско-представительная деятельность – это борьба различных равноправных групповых интересов.

Вторая интерпретация объекта представительства берёт своё начало в научном творчестве Ж.-Ж. Руссо. Смысл её заключается в рассмотрении народной воли в качестве «неразделимой тотальности». В итоге протекающий в парламенте процесс народного представительства объективно становится механическим воспроизведением единой народной воли.

Литература:

1. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и светского / Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 45 – 679.
2. Локк Д. Два трактата о правлении / Локк Д. Сочинения в 3 тт. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135 – 407.
3. Монтескье Ш. О духе законов / Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1955. С. 159–735.
4. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права [электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt (дата обращения 07.02.2014).
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Немецкая классическая философия. Т.1. М.: Эксмо – Пресс, 2000. С. 303 – 667.
6. Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея [электронный ресурс]. URL: http://www.grachev62.narod.ru/Fed/index.htm (дата обращения 07.02.2014).
7. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
8. Милль Дж. С. Представительное правление [электронный ресурс]. URL: http://www.sotsium.ru/books/103/102/mill_represantative%20government%20chI-VII.html (дата обращения 07.02.2014).
9. Маркс К. Гражданская война во Франции / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 2-х тт. М.:Политиздат, 1949. Т.1. С. 433–503.
10. Кропоткин П. А. Этика / Кропоткин П.А. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 5–367.
11. Бакунин М. А. Государственность и анархия / Встречи с историей: очерки, статьи, публикации. Вып. 3. / Сост. С. Елисеев. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 67–104.

References:

1. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil / Hobbes T. Collected works in 2 vol. M.: Mysl, 1965. V. 2. P. 45 – 679.
2. Locke J. Two Treatises of Government / Locke J. Collected works in 3 vol. M.: Mysl, 1988. V. 3. P. 135 – 407.
3. Montesquieu Sh. The Spirit of the Laws / Montesquieu Sh. Collected works. M.: Politizdat, 1955. P. 159–735.
4. Rousseau J.-J. The Social Contract, Or Principles of Political Right / Rousseau J.-J. [e-resource]. URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt (access date 07.02.2014)
5. Hegel G.W. Philosophy of Right / German classical philosophy. Vol.1. M.: Eksmo – Press, 2000. P. 303 – 667.
6. Federalist. Political essay by A. Hamilton, Madison J., Jay J. [e-resource]. URL: http://www.grachev62.narod.ru/Fed/index.htm (access date 07.02.2014)
7. Tocqueville A. Democracy in America. M.: Progress, 1992. 554 p.
8. Mill J.S. Representative Government [e-resource]. URL: http://www.sotsium.ru/books/103/102/mill_represantative%20government%20chI-VII.html (access date 07.02.2014)
9. Marx K. The Class Struggles in France / Marx K., Engles F. Collected works. M.: Politizdat, 1991. P. 5–367.
10. Kropotkin P.A. Ethics / Kropotkin P.A. Selected Works. M. Politizdat, 1991. Pp. 5-367.
11. Bakunin M. A. Statehood and anarchy / Vstrechi s istoriey: ocherki, statiy, publikacii. Vol.3 / Edited by S. Eliseev. M.: Molodaya gvardiya, 1990. P. 67–104.